
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
АБСОЛЮТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Абсолютная необходимость — это не *необходимое* вообще и тем более не *нечто* необходимое, а *необходимость* — бытие всецело как рефлексия. Абсолютная необходимость есть отношение, так как она такое различие, моменты которого сами суть вся ее целокупность; они, таким образом, абсолютно *устойчивы*, но так, что это лишь одна устойчивость, а различие есть только *видимость* развертывания, и видимость эта есть само абсолютное. — Сущность, как таковая, — это рефлексия или отражение; но сущность как абсолютное отношение — это *видимость, положенная как видимость*, которая, будучи этим соотносением с собой, есть *абсолютная действительность*. — Абсолютное, развернутое сначала *внешней рефлексией*, развертывает теперь само себя как абсолютная форма или как необходимость; это развертывание самого себя есть его полагание-самого-себя, и оно *есть* лишь это самополагание. — Подобно тому как *свет* в природе — это не нечто и не вещь, а его бытие есть лишь его отражение, так и обнаружение себя есть самой себе равная абсолютная действительность.

Поэтому стороны абсолютного отношения не *атрибуты*. В атрибуте абсолютное обретает видимость лишь в одном из своих моментов как в чем-то *предположенном* и воспринятом *внешней рефлексией*. Но *развертывается*-то абсолютное *абсолютной необходимостью*, которая тождественна с собой как определяющая самое себя. Так как она есть обретение видимости, положенное как видимость, то стороны этого отношения суть *целокупности*, потому что они даны как видимость, ибо различия как видимость — это они сами и противоположное им,

иначе говоря, они суть целое; и наоборот, они видимость потому, что они целокупности. Это различие или обретение абсолютным видимости есть, таким образом, лишь тождественное полагание самого себя.

В своем непосредственном понятии это отношение есть отношение *субстанции* и *акциденций*, непосредственное исчезание и становление абсолютной видимости внутри самого себя. Когда субстанция определяет себя как *для-себя-бытие* в противоположность *иному*, другими словами, когда абсолютное отношение [выступает] как реальное, то это отношение есть *отношение причинности*. Наконец, когда это отношение как соотносящееся с собой переходит во *взаимодействие*, тем самым абсолютное отношение, сообразно с содержащимися в нем определениями, также и *положено*; это *положенное единство* отношения в своих *определениях*, которые сами *положены как целое* и тем самым также как определения, есть затем *понятие*.

А. ОТНОШЕНИЕ СУБСТАНЦИАЛЬНОСТИ

Абсолютная необходимость есть абсолютное отношение, так как она не *бытие*, как таковое, а *бытие*, которое есть, *потому что* оно есть, бытие как абсолютное опосредствование себя с самим собой. Это бытие есть *субстанция*⁸⁷; как окончательное единство сущности и бытия она бытие во *всяком* бытии; она не неререфлектированное непосредственное и не нечто абстрактное, находящееся позади существования и явления, а есть сама непосредственная действительность, и притом как абсолютная рефлексированность в себя, как *в-себе-и-для-себя-сущая устойчивость*. — Субстанция как это единство бытия и рефлексии есть по своему существу свое *высвечивание* и *положенность*. Поскольку высвечивание есть *соотносящееся с собой* высвечивание, оно *есть*; это бытие — субстанция, как таковая. И наоборот, это бытие есть лишь тождественная с собой *положенность*; тем самым оно *обретающая видимость целокупность*, *акцидентальность*.

Это обретение видимости есть тождество как тождество формы — единство возможности и действительности. Это единство есть, во-первых, *становление*, случайность как сфера возникновения и прехождения, ибо со-

образное с определением *непосредственности* соотношение возможности и действительности есть *непосредственное превращение* их друг в друга как *сущих*, превращение каждого из них в свое *иное* как иное лишь для него. — Но так как бытие есть видимость, то их соотношение дано также как соотношение тождественных или обретающих видимость друг в друге, рефлексия. Движение акцидентальности представляет поэтому в каждом из своих моментов высвечивание *категорий* бытия и *рефлексивных определений* сущности друг в друге. — Непосредственное *нечто* имеет некоторое *содержание*; его непосредственность есть в то же время рефлексированное безразличие к форме. Это содержание определено, а так как эта определенность есть определенность бытия, то нечто *переходит* во что-то иное. Но качество есть и определенность рефлексии; оно, таким образом, безразличная *разность*. Но последняя одухотворяет себя (*begeistet sich*) так, что становится *противоположением* и возвращается в основание, которое есть *ничто*, но также *рефлексия-в-себя*. Рефлексия-в-себя снимает себя; но она сама есть рефлексированное в-себе-бытие, и как такое она возможность, а в своем переходе, который есть также рефлексия-в-себя, это в-себе-бытие есть *необходимое действительное*.

Это движение акцидентальности есть *активность* (*Aktuosität*) субстанции как *спокойное появление ее самой*. Она деятельна не *по отношению* к нечто, а лишь по отношению к себе как к простой, непротиводействующей стихии. Снятие чего-то *предположенного* — это исчезающая видимость; лишь в действии, *снимающем* непосредственное, возникает само это непосредственное, иначе говоря, имеется указанное высвечивание; начинать с самого себя — только лишь это означает полагать ту самую (*dieses Selbst*), с которой начинают.

Субстанция как это тождество высвечивания есть целокупность целого и охватывает собой акцидентальность, а акцидентальность — это вся субстанция сама. Различие ее, переходящее в *простое тождество бытия* и в *смену акциденций* в этом тождестве, есть одна из форм ее видимости. *Простое тождество бытия* есть лишенная формы субстанция *представления*, для которого видимость определилась не как видимость, но которое как за нечто абсолютное держится за такое неопределенное

тождество, которое не имеет истинности и есть лишь определенность *непосредственной* действительности или также *в-себе-бытия* или возможности, — за те определения формы, которые относятся к акцидентальности.

Другое определение, *смена акциденций*, это — абсолютное *единство формы* акцидентальности, субстанция как *абсолютная мощь* (Macht). — Прехождение акциденции — это возвращение ее как действительности в себя как в свое в-себе-бытие или в свою возможность; но это ее в-себе-бытие само лишь положенность; поэтому оно также действительность, а так как эти определения формы в такой же мере суть определения содержания, то это возможное есть и по содержанию нечто иначе определенное действительное. Переводя возможное в действительность с ее содержанием, субстанция обнаруживает себя как *созидательную мощь*, а возвращая действительное в возможность, она обнаруживает себя как *разрушительную мощь*. Но и то и другое тождественно: созидание разрушает, разрушение созидает, ибо отрицательное и положительное, возможность и действительность абсолютно соединены в субстанциальной необходимости.

Акциденции, как таковые, — а их много, так как множественность есть одно из определений бытия, — *не имеют власти* (Macht) друг над другом. Они сущие или для себя сущие нечто, существующие вещи с многообразными свойствами или целые, состоящие из частей, самостоятельные части, силы, нуждающиеся во взаимном побуждении и имеющие условием друг друга. Если кажется, что одно такое акцидентальное выказывает власть над другим, то [на самом деле] оба их объемлет собой власть субстанции, которая как отрицательность полагает неодинаковое значение, определяя одно как преходящее, а другое — с другим содержанием и как возникающее, или первое — как переходящее в свою возможность, а второе — как переходящее при этом в действительность; субстанция вечно раздваивается на эти различия формы и содержания и вечно очищает себя от этой односторонности, но в самом этом очищении вновь определяет и раздваивается. — Одна акциденция вытесняет, следовательно, другую лишь потому, что ее собственное *самостоятельное существование* (Subsi-

stieren) само есть эта целокупность формы и содержания, в которой равно исчезают и она, и ее иное.

Это *непосредственное тождество* и наличие субстанции в акциденциях еще не приводят [здесь] к *реальному* различию. В этом *первом* определении субстанция еще не обнаружила себя во всем своем понятии. Если субстанцию как тождественное с собой *в-себе-и-для-себя-бытие* отличают от нее же как целокупности *акцидентий*, то она как *мощь* есть то, что *опосредствует*. Эта *мощь* есть *необходимость*, положительное *сохранение* акцидентий в их отрицательности и их чистая *положенность* в их устойчивости; эта *середина* есть, стало быть, единство субстанциальности и акцидентальности, и его *полюсы* не имеют своей собственной устойчивости. Субстанциальность есть поэтому лишь отношение как непосредственно исчезающее, она не соотносится с собой как *отрицательное и*, будучи непосредственным единством *мощи* с самой собой, есть *в форме* лишь *своего тождества*, а не своей *отрицательной сущности*; лишь один момент, а именно отрицательное или различие, полностью исчезает, а не другой, [т. е.] тождественное. — Это можно рассматривать и следующим образом. Хотя благодаря *мощи* видимость или акцидентальность и есть *в себе* субстанция, но она *положена* не так, как эта тождественная с собой видимость; таким образом, субстанция имеет своим обликом или своей положенностью лишь акцидентальность, а не самое себя; она не субстанция *как* субстанция. Следовательно, отношение субстанциальности — это прежде всего субстанция лишь потому, что субстанция *выявляет* себя как *формальную мощь*, различия которой не субстанциальны; на самом деле она лишь *внутреннее* акцидентий, а акцидентии суть лишь *в субстанции*. Иначе говоря, это отношение — лишь обретающая видимость целокупность как *становление*; но субстанция в такой же мере и рефлексия; акцидентальность, которая *в себе* есть субстанция, именно поэтому также *положена* как таковая; таким образом, она *определена* как соотносящаяся с собой *отрицательность* в противоположность себе же, *определенной* как соотносящееся с собой *простое тождество* с собой; и она *для-себя-сущая*, обладающая *мощью* субстанция. Так отношение субстанциальности *переходит* в *отношение причинности*.

В. ОТНОШЕНИЕ ПРИЧИННОСТИ

Субстанция — это мощь, притом мощь, *рефлектированная в себя*, не просто переходящая, но и полагающая *определения и отличающая их от себя*. Как соотносящаяся с самой собой в процессе своего определения *она сама* есть то, что она полагает как отрицательное, иначе говоря, то, что она делает *положенностью*. Положенность, стало быть, — это вообще снятая субстанциальность, то, что лишь положено, *действие*; а для себя сущая субстанция — это *причина*.

Такое отношение причинности — это прежде всего лишь указанное *отношение причины и действия*; в этом случае оно *формальное отношение причинности*.

а) Формальная причинность

1. Причина *первоначальна* по отношению к действию. — Субстанция как мощь *обретает видимость*, иначе говоря, *обладает акцидентальностью*. Но как мощь она в своей видимости точно так же и рефлексия-в-себя; так она *развергивает* свой переход, и это *обретение видимости определено как видимость*, иначе говоря, акцидентция *положена* как нечто лишь *положенное*. — Однако в процессе своего определения субстанция исходит не из акцидентальности, как если бы акцидентальность была *заранее чем-то иным* и лишь теперь положена как определенность, а обе суть одна и та же активность. Субстанция как мощь *определяет себя*; но этот процесс определения сам непосредственно есть снятие процесса определения и возвращение. *Она определяет себя — она, определяющее, есть, таким образом, непосредственное* и то, что само уже определено. Следовательно, определяя себя, она полагает это уже *определенное как определенное*; тем самым она сняла положенность и возвратилась в себя. — И наоборот, это возвращение, будучи *отрицательным соотношением субстанции с собой*, само есть *процесс определения* или отталкивание субстанции от самой себя; благодаря этому возвращению *возникает (wird)* то определенное, с которого по видимости начинает субстанция и которое как найденное в наличии определенное она по видимости полагает теперь в качестве такового. — Таким образом, абсолютная активность

есть *причина* — мощь субстанции в *ее истине* как обнаружение себя, непосредственно также *развертывающее* то, что есть *в себе*, акциденцию (которая есть *положенность*), в ее становлении, *полагающее* ее как *положенность*, — *действие*. — Следовательно, действие — это, *во-первых*, то же, что и акцидентальность субстанциального отношения, а именно субстанция как *положенность*; но, *во-вторых*, акциденция, как таковая, субстанциальна лишь благодаря своему исчезанию, лишь как преходящее; как действие же она тождественная с собой *положенность*; причина обнаруживает себя в действии как вся субстанция, а именно как рефлексированная в себя в самой *положенности*, как таковой.

2. Этой рефлексированной в себя *положенности*, определенному как определенному, противостоит субстанция как *неположенное* первоначальное. Так как она как абсолютная мощь есть возвращение в себя, но само это возвращение есть *процесс определения*, то она уже не есть простое «*в-себе*» своей акциденции, но и *положена* как это *в-себе-бытие*. Вот почему субстанция обладает *действительностью* лишь как причина⁸⁸. Но эта действительность, заключающаяся в том, что *в-себе-бытие* субстанции, ее *определенность* внутри отношения субстанциальности теперь *положена как определенность*, — эта действительность есть *действие*; поэтому ту действительность, которую субстанция имеет как причина, она имеет *лишь в своем действии*. — Это та *необходимость*, которая есть причина. — Она *действительная* субстанция, так как субстанция как мощь определяет самое себя; но она в то же время причина, так как она развертывает эту определенность или полагает ее как *положенность*; таким образом, она полагает свою действительность как *положенность* или как *действие*. Действие — это иное причины, *положенность* в противоположность первоначальному, и оно *опосредствовано* первоначальным. Но как *необходимость* причина в то же время снимает этот процесс своего опосредствования и есть в *процессе определения* себя самой (как первоначально соотносящееся с собой *в противоположность* опосредствованному) *возвращение* в себя, ибо *положенность* определена *как* *положенность*, стало быть, тождественна с собой; поэтому лишь в своем действии причина есть истинно *действительное* и *тождественное* с собой. — Действие потому

необходимо, что именно в нем обнаруживает себя причина, иначе говоря, оно та необходимость, которая есть причина. — Лишь как эта необходимость причина движет самое себя, начинает спонтанно, не будучи побуждена чем-то иным, и есть *самостоятельный источник самопорождения*; она должна *действовать*, ее первоначальность состоит в том, что ее рефлексия-в-себя есть определяющее полагание и что, наоборот, и то и другое — одно единство.

Поэтому действие не содержит вообще ничего, что не содержится в причине, и, наоборот, причина не содержит ничего, чего нет в ее действии. Причина есть причина лишь постольку, поскольку она порождает действие; и причина — это только определение: иметь действие, а действие — это лишь определение: иметь причину. В самой причине, как таковой, заключается ее действие, а в самом действии — причина; если бы причина еще не действовала или если бы она перестала действовать, то она не была бы причиной, и действие, поскольку его причина исчезла, уже не действие, а есть безразличная действительность.

3. Итак, в этом *тождестве* причины и действия снята та форма, которой они различаются между собой как в себе сущее и как положенность. Причина *угасает* в своем действии; тем самым угасло и действие, ибо оно лишь определенность причины. Стало быть, эта угасшая в действии причинность есть *непосредственность*, которая безразлична к отношению причины и действия и в которой это отношение имеется внешним образом.

в) Определенное отношение причинности

1. *Тождество* причины с собой в ее действии — это снятие ее мощи и отрицательности и потому безразличное к различиям формы единство, *содержание*. — Вот почему содержание лишь *в себе* соотнесено с формой, в данном случае — с причинностью. Тем самым они положены как *разные*, и форма по отношению к содержанию есть лишь непосредственно действительная форма, *случайная* причинность.

Далее, содержание, взятое таким образом как нечто определенное, — это разное содержание в самом себе; и причина, а тем самым и действие определены по своему

содержанию. — Так как рефлексированность есть здесь также непосредственная действительность, то содержание есть *действительная, но конечная субстанция*.

Таково теперь отношение причинности в своей реальности и конечности. Как формальное оно бесконечное отношение абсолютной мощи, содержанием которой служит чистое обнаружение себя или необходимость. Напротив, как конечная причинность оно имеет то или иное *данное* содержание и развивается как внешнее различие в тождественном, которое в своих определениях есть одна и та же субстанция.

Благодаря такому тождеству содержания эта причинность есть *аналитическое* положение. *Одна и та же вещь* выступает в одном случае как причина, а в другом — как действие, там — как собственная ее устойчивость, здесь — как положенность или определение в чем-то ином⁸⁹. Так как эти определения формы суть *внешняя* рефлексия, то, когда определяют то или иное явление как действие и восходят от него к его причине, для того чтобы постичь и объяснить его, это *по существу дела* — тавтологическое рассмотрение, осуществляемое *субъективным* рассудком; дважды повторяется лишь одно и то же содержание; в причине не имеется ничего, чего нет в действии⁹⁰. — Например, дождь — причина сырости, которая есть его действие; «дождь дает влагу», это — аналитическое предложение; та же вода, которая составляет дождь, и есть влага; как дождь эта вода имеется в форме отдельной вещи, а как сырость или влажность она прилагательное, нечто положенное, которое, как предполагают, уже не имеет своей устойчивости в самом себе; и то и другое определение одинаково внешни воде. — Подобным же образом причина вот *этого цвета* — нечто окрашивающее, *пигмент*, который есть одна и та же действительность, выступающая в одном случае во внешней ей форме чего-то действующего, т. е. как внешне связанная с отличным от нее действующим, а во втором случае — в столь же внешнем для нее определении действия. — Причина того или иного *поступка* — внутреннее убеждение действующего субъекта, которая как внешнее наличное бытие, приобретаемое этим убеждением благодаря действию, есть то же содержание и та же ценность. Если *движение* какого-либо тела рассматривается как действие, то причина

его — некоторая *толкающая* сила; но и до и после толчка имеется одно и то же количество движения, одно и то же существование, содержавшееся в толкающем теле и сообщенное им толкаемому телу; и сколько оно сообщает, столько же оно само и теряет⁹¹.

Причина, например живописец или толкающее тело, имеет, правда, *еще и другое* содержание: живописец — помимо красок и их формы, соединяющей краски для [создания] картины, а толкающее тело — помимо движения определенной силы и определенного направления. Но это другое содержание — случайный придаток, не касающийся причины; какие бы другие качества живописец ни имел независимо от того, что он живописец данной картины, это не входит в картину; лишь те из его свойств, которые представлены в *действии*, присущи ему *как причине*; по остальным же своим свойствам он не причина. Точно так же, есть ли толкающее тело камень или дерево, зеленое ли оно, желтое и т. п., это не входит в его толчок, и в этом смысле оно не причина.

По поводу *этой тавтологичности* отношения причинности следует отметить, что оно не кажется содержащим тавтологию в тех случаях, когда указываются не ближайшие, а *отдаленные причины* действия. Изменение формы, претерпеваемое лежащей в основании вещью в этом прохождении через многие промежуточные звенья, скрывает тождество, сохраняющееся при этом самой вещью. В то же время в этом умножении причин, вклинивающихся между ней и последним действием, она связывается с другими вещами и обстоятельствами, так что не то первое, которое объявляется причиной, а лишь все эти многие причины, *вместе взятые*, содержат полное действие. — Так, например, если для человека сложились такие обстоятельства, при которых развился его талант вследствие того, что он потерял своего отца, убитого пулей в сражении, то можно указать на этот выстрел (или, если идти еще дальше назад, на войну или на причину войны и т. д. до бесконечности) как на причину искусности этого человека. Но ясно, что, например, не этот выстрел сам по себе есть причина, а причиной служит лишь сочетание его с другими действующими определениями. Или, вернее, выстрел этот вообще не причина, а лишь отдельный *момент*, относящийся к *обстоятельствам возможности* [действия].

Затем следует главным образом обратить еще внимание на *неуместное применение* отношения причинности к отношениям [в сфере] *физико-органической и духовной жизни*. То, что называется причиной, оказывается здесь, конечно, имеющим другое содержание, чем действие, *но это потому*, что то, что действует на живое, определяется, изменяется и преобразуется этим живым самостоятельно, *ибо живое не дает причине вызвать ее действие*, т. е. снимает ее как причину. Так, недозволительно говорить, что нища есть *причина* крови или что такие-то кушанья или холод, сырость — *причины* лихорадки и т. п.; так же недопустимо указывать на климат Ионии как на *причину* творений Гомера или на честолюбие Цезаря как на *причину* падения республиканского строя в Риме. Вообще в *истории* действуют и определяют друг друга духовные массы и индивиды; природе же духа еще в более высоком смысле, чем характеру живого вообще, свойственно скорее *не принимать в себя другого первоначального*, иначе говоря, не допускать в себе продолжения какой-либо причины, а прерывать и преобразовывать ее. — Но такого рода отношения принадлежат *идее* и должны быть рассмотрены лишь при анализе ее. — Здесь же можно еще отметить, что, поскольку допускается отношение причины и действия хотя бы и не в собственном смысле, действие не может быть *больше*, чем причина, ибо действие есть не более как обнаружение себя причины. В истории стало обычным остроумное изречение, что *из малых причин* происходят *большие действия*, и поэтому для объяснения значительного и серьезного события приводят какой-нибудь *анекдот* как первую причину. Такая так называемая причина должна рассматриваться лишь как *повод*, лишь как *внешнее возбуждение*, в котором *внутренний дух* события мог бы и не нуждаться или вместо которого он мог бы воспользоваться бесчисленным множеством других поводов, чтобы пачать с них в явлении, пробить себе путь и обнаружить себя. Скорее наоборот, *только самим этим внутренним духом события* нечто само по себе мелкое и случайное было *определено* как его повод. Эта *живопись истории в стиле арабесок*, создающая из топкого стебля большой образ, есть поэтому хотя и остроумная, но в высшей степени поверхностная трактовка⁹². Правда, в этом возникновении великого из малого имеет

место вообще переворачивание внешнего, совершаемое духом, но именно поэтому внешнее не есть *причина внутри духа*, иначе говоря, само это переворачивание снимает отношение причинности.

2. Но *определенность* отношения причинности, состоящая в том, что содержание и форма разны и безразличны, простирается дальше. *Определение формы* — это также и *определение содержания*; причина и действие, обе стороны отношения, суть поэтому также и *другое содержание*. Иначе говоря, содержание, ввиду того что оно дано лишь как содержание некоторой формы, имеет в самом себе свое различие и по существу своему разное. Но так как эта его форма есть отношение причинности, которое есть содержание, тождественное в причине и действии, то разное *содержание внешне* связано, с одной стороны, *с причиной*, а с другой — *с действием*; стало быть, само оно *не входит в действие* (in das Wirken) и в *отношение*.

Таким образом, это внешнее содержание лишено отношения; оно *непосредственное существование*; иначе говоря, так как оно как содержание есть *в-себе-сущее* тождество причины и действия, то оно также *непосредственное, сущее* тождество. Вот почему это тождество есть *вещь*, имеющая многообразные определения своего наличного бытия, в том числе и определение, что она в *каком-то отношении* причина или же действие. Определения формы — причина и действие — имеют в этой вещи свой *субстрат*, т. е. свою существенную устойчивость, и притом каждое из них свою особую, ибо их тождество есть их устойчивость; но в то же время это их непосредственная устойчивость, а не их устойчивость как единство формы или как отношение.

Но эта вещь не только субстрат, но и субстанция, ибо она тождественная устойчивость лишь как устойчивость *отношения*. Далее, субстанция есть *конечная* субстанция, ибо она определена как непосредственная *по отношению* к своей причинности. Но она в то же время имеет причинность, так как она равным образом есть тождественное лишь как тождественное этого отношения. — Как причина этот субстрат есть отрицательное соотношение с *собой*. Но он сам, с которым он соотносится, есть, *во-первых*, положенность, так как он определен как *непосредственно* действительное; эта положенность как со-

держание есть какое-то определение вообще. — *Во-вторых, причинность ему внешня; стало быть, причинность сама составляет его положенность.* Поскольку же субстрат есть причинная субстанция, его причинность состоит в том, что он соотносится отрицательно с собой и, следовательно, со своей положенностью и с внешней причинностью. Действование этой субстанции начинается поэтому с чего-то внешнего, освобождается от этого внешнего определения, и его возвращение в себя — это сохранение своего непосредственного существования и снятие своей положенной причинности и, стало быть, своей причинности вообще.

Так, находящийся в движении камень есть причина; его движение есть определение, которое он имеет; но помимо этого определения он содержит еще многие другие определения — цвет, фигуру и т. д., не входящие в его причинность⁹³. Так как его непосредственное существование отделено от его отношения формы, а именно от причинности, то причинность — нечто *внешнее*; его движение и присущая ему в этом движении причинность — это лишь *положенность* в нем. — Но причинность — это также *его собственная* причинность; это зависит от того, что его субстанциальная устойчивость — это его тождественное соотношение с собой, а последнее теперь определено как положенность; оно, следовательно, в то же время *отрицательное соотношение с собой*. — Поэтому присущая камню причинность, направленная на себя как на положенность или как на нечто внешнее, состоит в снятии этого внешнего и в возвращении в себя посредством его *устранения*, стало быть, *не* в тождестве с собой *в своей положенности*, а лишь в восстановлении *своей абстрактной первоначальности*. — Или, [например], дождь есть причина влаги, которая есть та же вода, что и дождь. Эта вода имеет определение — быть дождем и причиной — вследствие того, что оно положено в ней чем-то иным, — другая сила (или что бы там ни было) подняла ее в воздух и собрала в такую массу, тяжесть которой заставляет ее падать вниз. Ее удаление от земли есть определение, чуждое ее первоначальному тождеству с собой, [т. е.] тяжести; ее причинность состоит в устранении этого чуждого ей определения и в восстановлении первоначального тождества, но тем самым также и в снятии своей причинности.

Рассматриваемая теперь *вторая определенность* причинности касается *формы*; это отношение есть *причинность как внешняя себе самой, как первоначальность*, которая есть в самой себе также и *положенность* или *действие*. Это соединение противоположных определений как [содержащихся] *в сущем* субстрате составляет *бесконечный регресс* от причин к причинам. — Начинают с действия; оно, как таковое, имеет причину, эта причина в свою очередь имеет причину и т. д. Почему причина имеет в свою очередь причину? То есть, почему *та самая сторона*, которая ранее была определена как *причина*, теперь определяется как *действие*, вследствие чего возникает вопрос о новой причине? — Потому, что причина — это вообще нечто *конечное, определенное*; она определена как *один* момент формы в противоположность действию; таким образом, она имеет свою определенность или отрицание вовне себя; но именно вследствие этого она сама *конечна*, имеет свою *определенность в самой себе* и тем самым есть *положенность* или *действие*. Это ее тождество также положено, но оно нечто *третье*, непосредственный субстрат; причинность внешняя самой себе потому, что здесь ее *первоначальность* есть *непосредственность*. Различие формы есть поэтому первая *определенность*, определенность, еще не *положенная как определенность*; оно *сущее и необытие*. Конечная рефлексия, с одной стороны, не идет дальше этого непосредственного, отстраняет от него единство формы и признает, что в *одном отношении* оно причина, а в *другом* — действие; с другой стороны, она переносит единство формы в *бесконечное* и постоянным продвижением выражает свое бессилие достигнуть и удержать это единство.

Точно так же обстоит дело с *действием*; или, вернее, *бесконечный прогресс от действия к действию* — это совершенно то же самое, что *регресс от причины к причине*. В этом регрессе *причина* становилась *действием*, в свою очередь имеющим *другую* причину; и точно так же, наоборот, *действие* становится *причиной*, в свою очередь имеющей *другое* действие. — Рассматриваемая определенная причина начинает с чего-то внешнего и в своем действии не возвращается в себя как *причина*, а скорее теряет в нем причинность. Но и наоборот, действие приходит к такому субстрату, который есть суб-

станция, первоначально соотносящаяся с собой устойчивостью; вот почему эта положенность в нем становится *положенностью*, т. е. эта субстанция, поскольку в ней положено действие, *ведет себя как причина*. Но то первое действие, та положенность, которая *внешним образом* приходит к субстанции, есть *не то*, что второе, *производимое ею* действие, ибо это второе действие определено как *ее рефлексия-в-себя*, а то первое — как нечто *внешнее* в ней. — Но так как здесь каузальность — это внешняя самой себе причинность, то в своем действии она также *не возвращается в себя*; она становится в этом действии *внешней* себе; *ее* действие снова становится положенностью в субстрате как *другой субстанции*, которая, однако, точно так же делает эту положенность положенностью, иначе говоря, обнаруживает себя как причину, снова отталкивает от себя свое действие и т. д., [впадая] в дурную бесконечность.

3. Теперь следует посмотреть, что получилось в результате движения определенного отношения причинности. — Формальная причинность угасает в действии; благодаря этому *возникло тождественное* в обоих этих моментах, но тем самым лишь *как единство в себе* причины и действия, в котором соотношение формы внешне. — Вследствие этого указанное тождественное также *непосредственно* в соответствии с обоими определениями непосредственности: во-первых, как *в-себе-бытие*, как *содержание*, в котором причинность протекает внешне; во-вторых, как *существующий* субстрат, которому причина и действие *присущи* как различные определения формы. В субстрате эти определения формы — *в себе* одно, но в силу этого *в-себе-бытия* или внешности формы каждое из них внешне самому себе и потому в своем *единстве* с другим определено относительно него также как *другое*. Поэтому хотя причина имеет действие и *в то же время сама есть действие*, а действие не только имеет причину, но и *само есть причина*, однако действие, которое *имеет* причину, и действие, *которое есть причина*, различны, а равным образом различны между собой причина, *имеющая* действие, и причина, *которая есть действие*.

Но движение определенного отношения причинности привело теперь к тому, что причина *не только угасает* в действии, а тем самым угасает и действие — как это было в формальной причинности, — но что причина

в своем угасании, в действии, вновь возникает и что действие исчезает в причине, но точно так же вновь возникает в ней. Каждое из этих определений снимает себя в своем полагании и полагает себя в своем снятии; это не внешний переход причинности от одного субстрата к другому; это их иностановление есть вместе с тем их собственное полагание. Следовательно, причинность пред-полагает самое себя или обуславливает себя⁹⁴. Поэтому тождество, бывшее прежде лишь в себе *сущим* тождеством, субстратом, теперь определено как пред-положение или положено в противоположность действующей причинности, и рефлексия, бывшая прежде лишь внешней для тождественного, теперь находится в отношении к нему.

с) Действие и противодействие

Причинность есть пред-полагающее действие. Причина обусловлена; она отрицательное соотношение с собой как пред-положенное, как внешнее иное, которое, однако, в себе есть сама причинность лишь в себе. Это иное есть, как оказалось, то субстанциальное тождество, в которое переходит формальная причинность, определившая себя теперь в противоположность этому субстанциальному тождеству как его отрицательное. Иначе говоря, оно то же самое, что субстанция отношения причинности, но как субстанция, которой противостоит мощь акцидентальности как то, что само есть субстанциальная деятельность. — Это пассивная субстанция. — Пассивно то, что непосредственно, или в себе сущее, которое не есть также для себя, — чистое бытие или сущность, которая имеется лишь в этой определенности абстрактного тождества с собой. — Пассивной субстанции противостоит отрицательно соотносящаяся с собой, деятельная субстанция. Она причина, поскольку она в определенной причинности восстановила себя из действия посредством отрицания самой себя; [нечто такое], что в своем инобытии или как непосредственное действует по существу своему как полагательное и опосредствует себя с собой своим отрицанием. Поэтому причинность уже не имеет здесь никакого субстрата, которому она была бы присуща, и есть не определение формы по отношению к этому тождеству, а сама она есть субстанция, иначе говоря, первоначальное — это

только причинность. — *Субстрат* — это пассивная субстанция, которая пред-положила себя⁹⁵.

Итак, эта причина *действует*, ибо она отрицательная власть *над самой собой*; в то же время она свое же *пред-положенное*; как такая она действует на себя как на *не-что иное*, как на *пассивную субстанцию*. — Тем самым причина, *во-первых*, снимает *инобытие* этой субстанции и в ней возвращается в себя; *во-вторых*, она *определяет* ее, полагает это снятие своего инобытия или возвращение в себя как *определенность*. Эта положенность, поскольку она также ее возвращение в себя, есть прежде всего *ее действие*. Но и наоборот, так как причина как пред-полагающая определяет самое себя как свое иное, то она полагает действие *в другой*, в пассивной субстанции. — Иначе говоря, так как пассивная субстанция сама *дво-яка*, а именно самостоятельное *иное* и в то же время нечто *пред-положенное* и в себе уже *тождественное* с действующей причиной, то и само действие этой причины есть нечто *двойное*; оно и то и другое вместе (*in Einem*): снятие ее *определенности* (*Bestimmtseins*) — т. е. ее условия, или снятие самостоятельности пассивной субстанции — и снятие действующей причиной своего тождества с пассивной субстанцией, так что действующая причина *пред-полагает* себя, иначе говоря, полагает себя как *иное*. — Благодаря последнему моменту пассивная субстанция *сохраняется*; в отношении этого указанное первое снятие субстанции являет себя в то же время и так, что в ней снимаются *лишь некоторые определения* и что тождество ее с действующей причиной осуществляется в ней *внешним образом* через действие.

В этом смысле пассивная субстанция испытывает *насилие*. — *Насилие* — это *явление мощи* или *мощь как нечто внешнее*. Но мощь есть нечто внешнее лишь постольку, поскольку причинная субстанция в своем действовании, т. е. в полагании себя самой, есть вместе с тем пред-полагающая, т. е. полагает самое себя как снятое. Поэтому и, наоборот, совершение насилия есть также осуществление власти. *Насильственная причина* действует только на *ею же самой пред-положенное иное*; ее действие на это иное есть отрицательное соотношение *с собой* или ее *обнаружение себя*. *Пассивное* — это такое самостоятельное, которое есть лишь нечто *положенное*, нечто *надломленное внутри* самого себя, — *действительность*,

которая есть условие, и притом теперь условие в своей истине, т. е. действительность, которая есть лишь возможность, или, наоборот, *в-себе-бытие*, которое есть лишь *определенность в-себе-бытия*, лишь нечто пассивное. Поэтому над тем, что подвергается насилию, не только можно, но и необходимо *должно* совершать насилие; то, что имеет возможность совершать насилие над иным, имеет эту возможность лишь потому, что в совершаемом им насилии его мощь *обнаруживает* и себя, и иное. Пассивная субстанция *положена* насилием лишь как то, что она есть *поистине*: так как она простое положительное или непосредственная субстанция, то именно потому она лишь нечто *положенное*. То *пред*[-положенное], которое она есть как условие, — это та видимость непосредственности, которую действующая причинность срыывает с нее.

Поэтому пассивная субстанция, подвергаясь воздействию насилия со стороны другого, получает лишь должное. *Теряет* она при этом указанную *непосредственность*, *чуждую* ей субстанциальность. То, что она *приобретает* как нечто *чуждое*, а именно то, что ее определяют как *положенность*, — это ее собственное определение. — Но когда ее полагают в ее положенности или в *ее собственном* определении, то она этим не столько снимается, сколько *сливается* таким образом *лишь с самой собой* и, следовательно, *в своей определяемости есть первоначальность*. — Стало быть, пассивная субстанция, с одной стороны, *сохраняется* или *полагается* активной субстанцией, а именно поскольку активная субстанция делает самое себя снятой; но, с другой стороны, сливаться с собой и тем самым делаться первоначальным и *причиной* — это *дело самогo пассивного* (des Passiven). *Быть положенным* чем-то иным и собственное *становление* — это одно и то же.

Тем, что пассивная субстанция теперь сама превращена в причину, действие в ней, *во-первых*, снимается; в этом состоит вообще ее *противодействие*. В себе она положенность как пассивная субстанция; равным образом положенность была *положена* в ней другой субстанцией, поскольку именно она восприняла в себя *действие* этой другой субстанции. Поэтому в противодействии пассивной субстанции точно так же содержится двойное, а именно, *во-первых*, то, что она *есть в себе, положено*, и, *во-вторых*, то, в качестве чего она *положена*, выступает

как ее *в-себе-бытие*; она в *себе* положенность, поэтому она в самой себе получает некоторое действие от другой; но эта положенность есть, наоборот, *ее* собственное *в-себе-бытие*; таким образом, это есть *ее* действие, она сама выступает как причина.

Во-вторых, противодействие направлено *против первой действующей причины*. Ибо действие, которое субстанция, бывшая прежде пассивной, снимает внутри себя, есть именно действие первой действующей причины. Но причина имеет свою субстанциальную действительность лишь в своем действии; если действие снимается, то снимается ее причинная субстанциальность. Это происходит, во-первых, *в себе через ее самое*, поскольку она делается действием; в этом тождестве исчезает ее отрицательное определение, и она становится чем-то пассивным; во-вторых, это происходит *через бывшую прежде пассивной*, а теперь противодействующую субстанцию, которая снимает действие первой причины. — Правда, в *определенной причинности* субстанция, на которую оказывается воздействие, в свою очередь становится причиной и, стало быть, действует *против того*, что в ней было положено некоторое *действие*. Но она не *противодействовала той причине*, а полагала свое действие опять-таки в *другую* субстанцию, вследствие чего выявлялся прогресс действий в бесконечность, ибо здесь причина тождественна с собой в своем действии еще только *в себе*, и потому она, с одной стороны, в своем *покое* исчезает в *непосредственном* тождестве, а с другой — вновь пробуждается в *другой* субстанции. — В обусловленной же причинности причина *соотносится* в действии *с самой собой*, так как она есть свое иное как условие, как *пред-положенное*, и ее действие благодаря этому есть столь же *становление*, сколь и *полагание* и *снятие иного*.

Причина, далее, тем самым ведет себя как пассивная субстанция; но, как оказалось, пассивная субстанция благодаря произведенному на нее действию *возникает* как причинная субстанция. Та первая причина, которая действует вначале и получает обратно свое действие в себе как противодействие, тем самым снова выступает как причина, вследствие чего действие, оказывающееся в конечной причинности прогрессом в дурную бесконечность, *совершает поворот* и становится возвращающимся в себя, бесконечным *взаимодействием* ⁹⁸.

С. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В конечной причинности именно субстанции относятся друг к другу как действующие. *Механичность* (der Mechanismus)⁹⁷ состоит в этом *внешнем характере* причинности, в том, что *рефлексия в себя* причины в ее действии — это в то же время отталкивающее *бытие*, иначе говоря, что в *тождестве с собой*, которое свойственно причинной субстанции в ее действии, она столь же непосредственно остается чем-то *внешним* себе, и действие *перешло в другую субстанцию*. Теперь во взаимодействии эта механичность снята, ибо оно заключает в себе, *во-первых, исчезание* указанного выше первоначального *сохранения непосредственной субстанциальности*, а *во-вторых, возникновение* причины и тем самым *первоначальность* как *опосредствующую* себя с собой своим *отрицанием*⁹⁸.

Вначале взаимодействие выступает как взаимная причинность *пред-положенных, обуславливающих* друг друга *субстанций*; каждая из них есть относительно другой *в одно и то же время* и активная, и пассивная *субстанция*. Поскольку обе тем самым и активны, и пассивны, постольку всякое различие между ними уже снято; оно совершенно прозрачная видимость; субстанции суть субстанции лишь постольку, поскольку они тождество активного и пассивного. Само взаимодействие есть поэтому еще только *пустой способ*; и еще требуется только внешнее соединение того, что уже и *в себе* имеется, и *положено*. Во-первых, [теперь] соотносятся друг с другом уже не *субстраты*, а субстанции; в движении обусловленной причинности сняла себя еще остававшаяся *пред-положенная непосредственность*, и *обуславливающий момент* (das Bedingende) причинной активности — это еще только *воздействие* или *собственная* пассивность. Но это воздействие исходит, далее, не от *другой* первоначальной субстанции, а как раз от причинности, которая обусловлена воздействием, иначе говоря, которая есть нечто *опосредствованное*. Это вначале *внешнее*, которое привходит в причину и составляет сторону ее пассивности, опосредствовано поэтому *ею самой*; оно порождено ее собственной активностью и есть тем самым *пассивность, положенная самой ее активностью*. — Причинность обусловлена и об-

условливает; *обуславливающее* — это *пассивное*, но в той же мере *пассивно и обусловленное*. Это обуславливание или пассивность есть *отрицание* причины ею же самой, так как она по существу своему делается *действием* и именно благодаря этому есть причина. *Взаимодействие* есть поэтому лишь сама причинность; причина не только имеет некоторое действие, но в действии она как причина соотносится с самой собой.

Благодаря этому причинность возвращена к *своему абсолютному понятию*, и в то же время она достигла самого *понятия*. Она прежде всего реальная необходимость, абсолютное *тождество* с собой, так что различие необходимости и соотносящиеся в ней друг с другом определения суть *субстанции, свободные* по отношению друг к другу *действительности*. Необходимость есть таким образом *внутреннее тождество*; причинность — это его обнаружение себя, в котором его видимость — *бытие иного в субстанциальном смысле* — сняла себя и необходимость возведена в *свободу*. — Во взаимодействии первоначальная причинность выступает как *возникновение* из ее отрицания — из пассивности и как *прехождение* в этой пассивности — как *становление*, но так, что это становление есть в то же время в такой же мере лишь *обретение видимости*; переход в *иное* — это рефлексия в себя само; *отрицание*, которое есть основание причины, — это ее *положительное слияние* с самой собой.

Итак, в этом слиянии необходимость и причинность исчезли; они содержат и то и другое: *непосредственное тождество* как *связь и соотношение* и *абсолютную субстанциальность различенных* [моментов], стало быть, их абсолютную *случайность*, — содержат первоначальное *единство* субстанциальных различий, следовательно, абсолютное противоречие. Необходимость есть бытие, *потому что оно есть*; единство бытия с самим собой, имеющего себя *основанием*. Но и наоборот, так как оно имеет основание, то оно не бытие, а всецело лишь *видимость, соотношение* или *опосредствование*. Причинность есть этот *положенный* переход первоначального бытия, *причины*, в видимость или просто в *положенность* и, наоборот, переход *положенности* в первоначальность; но *само тождество* бытия и *видимости* — это еще *внутренняя* необходимость. Это *внутреннее* или это *в-себе-бытие* снимается движением

причинности; тем самым утрачивается субстанциальность находящихся в отношении сторон и раскрывается необходимость. Необходимость становится *свободой* не оттого, что она исчезает, а оттого только, что лишь ее *внутреннее* еще тождество *обнаруживает себя*⁹⁹, и это обнаружение себя есть тождественное движение различного внутри себя самого, рефлексия в себя видимости как видимости. — В то же время, наоборот, *случайность* благодаря этому становится *свободой*, так как стороны необходимости, имеющие облик таких действительностей, которые сами по себе свободны и не отвечают друг в друге, теперь *положены как тождество*, так что эти целокупности рефлексии-в-себя теперь *отсвечивают* и как *тождественные* в своем различии, иначе говоря, положены лишь как одна и та же рефлексия.

Поэтому абсолютная субстанция, отличая себя от себя как абсолютная форма, уже не отталкивает себя от себя как необходимость, равно как и не распадается как случайность на безразличные, внешние друг другу субстанции, а *разделяет* себя, с *одной стороны*, на такую целокупность, которая (то, что прежде было пассивной субстанцией) есть нечто первоначальное как рефлексия в себя из определенности, как простое целое, содержащее внутри самого себя свою *положенность* и *положенное* в этой *положенности* как *тождественное с самим собой*, — на *всеобщее*, а с *другой стороны*, на целокупность (то, что прежде было причинной субстанцией) как на рефлексию в себя точно так же из определенности к отрицательной определенности, которая, таким образом, как *тождественная с собой определенность* также есть целое, но положена как *тождественная с собой отрицательность*, — на *единичное*. Но ввиду того что *всеобщее* тождественно с собой лишь постольку, поскольку оно содержит внутри себя *определенность* как *снятую* и, следовательно, есть отрицательное как отрицательное, оно непосредственно *та же самая отрицательность*, что и *единичность*, а единичность, так как она точно так же есть определенное определенное (das bestimmte Bestimmte), отрицательное как отрицательное, есть непосредственно *то же самое тождество*, что и *всеобщность*. Это их *простое* тождество есть *особенность*, которая от *единичного* содержит момент *определенности*, а от *всеобщего* — момент *рефлексии-в-*

*себя, содержит их в непосредственном единстве. Вот почему эти три целокупности суть одна и та же рефлексия, которая как отрицательное соотношение с собой выявляет себя как различие двух указанных [сторон], но как полностью прозрачное различие, а именно в виде определенной простоты или простой определенности, которые суть их одно и то же тождество. — Это и есть понятие, царство субъективности или свободы*¹⁰⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ *

Автору «Науки логики» не было суждено закончить предпринятую им с большим рвением переработку этого сочинения. Едва он успел написать последние слова предисловия к I тому нового издания, как он был схвачен болезнью, печальный исход которой положил неожиданный конец его дальнейшей деятельности на поприще науки, которой он столь значительно споспешествовал. Хотя из сравнения прежнего издания I тома этой «Логики» с новым изданием можно заключить, в какой степени и оба других тома (перепечатываемые ныне с вышедшего в свет в 1813 и 1816 гг. первого их издания) еще выиграли бы под пером их автора в строгости диалектического построения, в определенности выражения и во внешней доступности, тем не менее нам служит немалым утешением возможность сказать, что почившему великому учителю, предпринявшему эту работу не без многолетней подготовки к ней и в самом зрелом возрасте, удалось уже в первоначальном ее выполнении создать сочинение, за которым уже и ныне, а еще больше следующими поколениями будет признана слава покоящегося на прочном фундаменте и во всех главных своих частях мастерски выполненного органа мыслящего познания. Если, однако, нет недостатка и в таких друзьях истины, которые с полным признанием того, что здесь сделано, считают необходимым воздержаться от своего суждения и вообще не желают ничего знать о какой-либо *готовой* системе истины, так как, по их мнению, после такой системы для них и для потомков ничего не осталось бы делать (причем они имеют обыкновение ссылаться на известное изречение Лессинга**), то эти люди могут для своего успокоения в достаточной мере усмотреть

* Это предисловие предпослано IV тому Собрания сочинений Гегеля, изданного вскоре после его смерти его учениками, — тому, содержащему 2-ю часть «Науки логики» — «Учение о сущности».

** Имеется в виду изречение Лессинга о том, что если бы бог предложил ему выбор между готовой, законченной, чистой истиной и вечно живым стремлением к ней, стремлением, связанным с постоянными ошибками и заблуждениями, то он выбрал бы последнее (см. Lessings Philosophie, hrsg. von Paul Lorenz. Leipzig, 1906, S. 106).

из начатой переработки этого сочинения, как обстоит дело с этой внушающей опасение законченностью науки и каким образом ею несколько не исключаются новые достижения и успехи. — В каких границах наш покойный друг переработал бы учения о *сущности* и о *понятии*, составляющие содержание второй и третьей части настоящего сочинения, и какие новые объяснения получили бы они, это можно в общих чертах усмотреть из сравнения с соответствующими разделами вышедшей в 1830 г. третьим изданием «Энциклопедии философских наук». Из такого сравнения видно, что автор, строго придерживаясь великих основных мыслей своего сочинения, на которые, по его собственному скромному заявлению, следует смотреть как на общее достижение его предшественников в области философского познания, и последовательно проводя метод, справедливо признанный им за единственно правильный, сумел сохранить в себе необходимые для живого развития науки свежесть и подвижность духа. Пусть тем, кто призван дальше разрабатывать нашу науку, служит постоянно образцом эта способность к самоотречению, это мужество разума и неустанно стремившееся вперед рвение дорогого учителя; и тогда не будет никаких причин сетовать на застой науки и на препятствия, мешающие ее дальнейшему развитию.

Задача издателя при перепечатке настоящего сочинения по самому существу дела могла состоять лишь в тщательном исправлении замеченных опечаток и описок, и в этом отношении он в сомнительных местах позволял себе исключительно лишь такие изменения, относительно которых он имел право быть вполне уверенным в согласии автора, если бы была возможность испросить это согласие.

Леопольд фон Геннинг

Берлин, 3 мая 1834 г.